

винция была оставлена Римом, продолжал некоторое время удерживаться римлянами. Вполне вероятно, что сельское население Суцидавы и ее округи осталось здесь после оставления провинции и не последовало на правый берег Дуная, тем более, что римляне удерживали крепость до времени Феодосия II. Большинство этого населения несомненно должны были составлять местные элементы. Но едва ли это население долго могло удержаться на этом острове римской власти, не подвергшись влиянию со стороны занявших Дакцию варварских племен и в той или иной степени не смешавшись с ними; известно, что Зосим называет карподаков союзниками гуннов (Zosim., IV, 34,6). Непосредственная же преемственность в существовании обитателей самого поселения, как нам представляется, была нарушена. После оставления Дакии оказались утраченными римские традиции и нормы жизни: римские надписи после времени Аврелиана отсутствуют в Суцидаве. Нет археологи-

ческих находок после разрушения крепости гуннами в 447 г. и аварами в конце VI в. Греческие христианские надписи VI в. принадлежат византийскому гарнизону и новому населению крепости. Археологические свидетельства из этого района возобновляются в IX и X вв. и представлены двумя глиняными кувшинами протоболгарского типа (стр. 125). Но за это время (с конца VI по IX в.) здесь возникло славянское поселение, о чем свидетельствует хотя бы славянское происхождение названия современной румынской деревни Челей, удержавшееся до сих пор. Славянское происхождение названия деревни, отмечаемое Д. Тудором, давало возможность поставить вопрос о том, каким именно народом было занято это поселение, после того как было разрушено в конце VI в. н. э. Оно указывает на то, что в истории Суцидавы был и славянский период, начавшийся, очевидно, уже в конце VI — начале VII в.

Ю. К. Колосовская

Гу. MORAVCSIK. *Studia Byzantina*, Budapestini, 1967, 438 стр.

Перед нами сборник статей, написанных видным венгерским филологом и историком Д. Моравчиком на протяжении сорока лет — от 1926 до 1965 г. Они были предварительно опубликованы в разных журналах на русском, немецком, французском, английском, итальянском и новогреческом языках. Статьи эти посвящены преимущественно византиноведческой тематике, но некоторые из них существенны и для античников.

В статье «Византинология и эллинология» (стр. 15—22) Моравчик кратко характеризует развитие науки об античной и средневековой Греции и приходит к выводу, что ныне исчезают традиционные барьеры между филологами-классиками, византинистами и специалистами по новогреческой филологии, исчезает традиционное предубеждение представителей этих дисциплин друг против друга и их взаимный антагонизм.

Две работы касаются истории Поздней Римской империи в ее связях с варварскими племенами. В одной из них Моравчик рассматривает исторические свидетельства и легенды о смерти Аттилы (стр. 59—83). Древнейшее и надежнейшее свидетельство восходит к историку V в. Приску, фрагмент из которого сохранил Иордан: в этом фрагменте рассказывается, что Аттила скончался в

свою брачную ночь¹. С фрагментом Иордана полностью совпадает сообщение византийского хрониста IX в. Феофана Сигрианского, тогда как в повествовании Малалы (VI столетие) уже появляются новые мотивы (например, рассказ о некоем снафарице, которого римский полководец Аэтий послал, чтобы убить Аттилу). Эти мотивы восходили, по всей видимости, к слухам, ходившим в Византии по поводу смерти грозного гуннского вождя. Развитие легенды о кончине Аттилы Моравчик усматривает в славянском переводе Малалы: здесь повествуется о римлянке, которая принесла себя в жертву и, чтобы спасти родной город, согласилась стать женой Аттилы, — но едва только она села у его ног, как гунн внезапно умер. Эту историю, переносащую смерть Аттилы в Рим, славянский переводчик, по мнению Моравчика, мог найти в какой-нибудь из «народных хроник», созданной в IX в. или позднее, но не дошедшей до нас.

Западные хронисты, начиная с Павла Диакона (VIII в.), передают версию Приска — Иордана, тогда как в сагах появ-

¹ «Гетика», §§ 254—255. См. русский перевод Е. Ч. Скрижинской: Иордан, О происхождении и деяниях гетов, М., 1960, стр. 116 сл.

ляются новые и разнообразные варианты предания. В этих сказаниях на первый план выдвигается — в отличие от византийской и византино-славянской версий — мотив отмщения, мотив сознательного убийства Аттилы его врагами. Идея эта, помимо саг и «Песни о Нибелунгах», проходит также у Roða Saxo (IX в.) и некоторых других авторов.

К статье о смерти Аттилы хронологически примыкает другая работа, освещающая темные страницы истории племени оногуров от середины V до середины IX столетия (стр. 84—118).

Наследие известного византийского эллиниста XII в. Иоанна Цеца посвящена статья о варварских языковых следах (Sprachreste) в «Феогонии» (стр. 283—292). Предметом анализа Моравчика является эпиллог к «Феогонии», где Цец, бахвалясь своим знанием чужих языков, приводит в греческой транскрипции несколько фраз по-«скифски», по-«персидски», по-латыни, по-алански, по-арабски, по-русски и по-еврейски. Известные трудности вызывает иденти-

фикация двух первых (архаизированных) этниконов — скифы и персы. Моравчик приходит к выводу, что скифы Цеца были, скорее всего, половцами, а под персами он разумел турок. Подобное смешение этниконов было, как известно, типичным для византийских авторов. Эпиллог «Феогонии», сохранивший две короткие русские фразы в транскрипции XII в., должен был бы привлечь внимание и лингвистов-русистов.

Наконец, в сборнике помещен ряд статей, освещающих переживание античных сюжетов в византийской и новой европейской литературе. Это — «Византийский Харон» (стр. 386—407) (об образе Харона в византийской народной поэзии), «Судьба Сафо в Византии» (стр. 408—413) и «Источники эпизода с Еленой в „Фаусте“ Гете» (стр. 428—438). По всей видимости, полагает Моравчик, источником для Гете послужила так называемая Хроника Дорофея Монемастийского.

А. К.